

Б. А. Титов⁶

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Мы являемся свидетелями и участниками чрезвычайно сложных процессов, охватывающих важные сферы социальной практики. При этом имеет место взаимодействие финансовых, экономических, социально-культурных, психологических факторов, которое, с одной стороны, порождает своеобразные синергетические эффекты, когда одни факторы стимулируют проявление и действие других, с другой — существен-

но затрудняет подход к анализу и прогнозу происходящих процессов в силу неготовности отраслевых наук к анализу и прогнозу темпов, векторов, интенсивности и других параметров данных процессов.

Нынешний финансово-экономический кризис экономическая наука объясняет многословно, но малоубедительно. Традиционные объяснительные модели, основанные на анализе объективных показателей экономики, явно не подходят для исчерпывающего анализа причин и механизмов развития этого кризиса. Его нельзя трактовать исключительно в категориях перепроизводства. На приемлемом уровне такие ключевые показатели, свидетельствующие о благополучии экономики, как производительность труда, соотношение спроса и предложения в основных сегментах рынка, средняя норма прибыли и т. д. В силу этого на авансцену выходят объяснительные модели, основанные на сочетании подходов и методов различных наук, в числе которых культурология занимает не последнее место.

⁶ Профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор педагогических наук. Автор более 50 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Организация и методика работы детского самостоятельного объединения», «Семейная драма глазами ребенка» (в соавт.), «Концепция детско-юношеского досуга в контексте социальных перемен», «Сущность и генезис социализации детей, подростков и юношества», «Особенности мотивационного компонента учебной и социальной деятельности у школьников с дизорфографией», «Homo amans — человек любящий» и др.

Экономика — это, как известно, огромная область деятельности, обеспечивающая материальные условия жизни. Однако сегодня она включает не только производителей материальных благ, но и банковскую деятельность, финансовые рынки, биржевые структуры, финансовых аналитиков, ученых и т. д. Многие процессы в современной экономике развиваются не столько по объективным законам, сколько под влиянием различных научных школ, политико-правовых решений. Немаловажно и то, что экономика в последние десятилетия существенным образом виртуализировалась.

В этом контексте переживаемый кризис можно объяснить тем, что в 1970-е годы завершилось формирование англо-американской монетаристской модели. Особенностью этой модели была легитимизация безграничных финансовых спекуляций, приводящая к сверхконцентрации капитала. В эти годы достигла своего «совершенства» несправедливая для большинства населения налоговая система. Это налоговое бремя как бы компенсировалось расширением возможности жить в долг, что стало отчасти результатом интенсивных рекламных кампаний, приучающих сознание массового потребителя к нормальности и желанности пользоваться тем, что ему не принадлежит. Люди в массовом порядке начали жить в домах, которые принадлежали банкам, ездить на машинах, взятых в кредит, пользоваться бытовой техникой, купленной в долг. Внешне все выглядело благополучно, ВВП показывал интенсивный рост, но это уже был мир не столько реальный, сколько иллюзорный. Во многом этому способствовала многоярусная система ничем не обеспеченных деривативов, представляющих собой финансовый инструмент, отличительная особенность которого состоит в том, что суммарное количество обязательств по деривативу не связано с количеством базового актива, обращающегося на рынке. Для его приобретения не требуются значительные средства, расчеты по нему осуществляются в будущем. В итоге возник рынок ничем не обеспеченных бумаг, которые бесконечно перепродавались, но за которыми практически ничего не стояло. Однако деривативы неслучайно называют «мыльными пузырями» экономики — с одной стороны, их существование поддерживается элементарной человеческой алчностью, с другой — они лопаются в одночасье, как только на рынке начинается паника.

Экономическая наука в XX веке выработала систему индикаторов и критериев, которые описывали состояние экономики в символических категориях. На смену классическим показателям эффективности, таким как, например, затрата труда на единицу продукции, то есть производительность, пришли разного рода критерии, носящие во многом символический характер (учетные ставки, курсы национальных валют, биржевые индексы и т. д.), фиксируемые финансовыми институтами — биржами и банками, различными консалтинговыми фирмами, рейтинговыми агентствами и др.

Это кривое зеркало — виртуальная по своей природе структура экономических показателей и косвенных индикаторов, фиксируемых финансовыми институтами, — в целом соответствовало природе виртуальной

экономики и со временем стало важнейшей частью инфраструктуры всемирной экономики.

На смену классической политэкономии и экономической теории пришла макроэкономика с инфраструктурой экономической диагностики, с правилами «виртуальной» экономики, игнорирующими процессы в реальных секторах производства, с «рекламными миражами» себестоимости и цены произведенного продукта¹. Макроэкономическая идеология породила свой язык, отличающийся образностью и восторженностью. Этот язык был хорошо понятен прессе и приятен для массового сознания. Его ключевыми категориями были понятия «экономическое чудо», «тигр». Газеты наперебой писали о японском чуде, южнокорейском и других экономических «тиграх». Однако в 1998 году «мыльные пузыри» виртуальной экономики начали лопаться, сначала в странах Юго-Восточной Азии, где произошел системный кризис, признаками которого стали обвалы национальных валют, падение котировок акций, снижение индекса деловой активности, сокращение потока инвестиций и т. д.

Поиски объективных причин кризиса в каждой стране (Южной Корее, Японии, Индонезии и др.) упирались в явную немотивированность происходящих больших (национальный уровень) и малых (корпорация, фирма) финансовых катастроф. Причина в значительной степени лежала в сфере действия психологических механизмов. Символическую систему параметров, отражающих состояние экономического организма, можно уподобить ситуации с новым платьем короля, описанной в известной сказке Х. К. Андерсена. Пока все верили, что на короле платье, пока все делали вид, что все хорошо, была одна ситуация. Но вышел мальчик, который все испортил, — он воскликнул, что король-то голый. И тут все увидели то, что и так было очевидно. Символическая составляющая макроэкономики делает ее чрезвычайно зависимой от веры, которая, в свою очередь, испытывает влияние общественного мнения, разного рода слухов, заявлений и других вербальных факторов, в той или иной мере отражающих (или имитирующих) настроения крупных игроков экономических рынков.

В этой ситуации экономические потрясения могут спровоцировать не только и не столько реальные проблемы (такие как, например, техногенные или природные катастрофы), сколько целенаправленную панику. В результате возникает парадокс — не экономика влияет на показатели, а показатели начинают управлять экономическими процессами. Они обнуляются или выходят за все мыслимые пределы, аналитики прибегают к сугубо математическим величинам типа «мнимые числа», пытаясь таким образом объяснить те или иные сбои в реальной системе хозяйствования. Иными словами, кривое зеркало становится онтологическим фактором, творящим мир реальный.

Нынешний мировой экономический кризис развивается по тому же сценарию, хотя пока реализуется его более мягкая версия. Тем не менее его причи-

¹ См.: *Секацкий А.* Тигры исчезают в полдень (кризис репрезентации). URL: <http://www.zhurnal.ru/polit/articles/seca.html>; *Он же.* Закат предпринимательства как угроза человечеству? // *Известия.* 2016. 5 сент. URL: <http://izvestia.ru/news/550696>

ны и механизмы все те же. Их истоки, мировоззренческие и ценностно-ориентационные причины коренятся в экономической модели, зародившейся в Западной Европе во времена Реформации. XIV–XV века — это время духовного кризиса западноевропейской цивилизации и период формирования той идеологии, которая легла в основу современной западной цивилизации. В мировоззренческом плане Реформация, получившая свое оформление в кальвинизме и протестантизме, осуществила ревизию этического идеала христианства. Этот идеал находит свое концентрированное выражение в системе ценностей. В христианстве они сформулированы в Нагорной проповеди. Предложенные в ходе Реформации новые смыслы человеческого бытия и человеческой истории были сконцентрированы в идее избранных, ценностях богатства и успеха в мирской деятельности. Блаженством наделили богатых и успешных, которые за счет своей активности и трудолюбия преобразуют мир в своих целях. Ценностно-ориентационная матрица, которая была предложена общественному сознанию и заложена в основание современной цивилизации капитализма, логически выстроена и проста, что придает ей убедительность: «работа — высшая форма религиозного служения; богатство — ведущий критерий богоизбранности».

Эта идеологическая матрица была органично вписана в соответствующую картину мира, в которой жизнь рассматривалась как пространство личностной самореализации, а природа выступала как некая «мастерская» (как тут не вспомнить Базарова из романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», где как раз показан конфликт этих двух идеологий), где нужно работать, овладевать этой природой, совершенствоваться и т. д. Утверждение этой парадигмы в массовом сознании открыло пространство для безудержной активности человека в плане демонстрации своей богоизбранности. Этого можно было достичь успехами, которые могли быть завоеваны исключительно за счет невероятной активности и энергии в бизнесе, науке, других областях социальной практики. Фактически эта идеология стала основой современной западной цивилизации.

Разумеется, новые ценности утвердились в общественном сознании и официальной идеологии не сразу. Процесс обретения культурной легитимности занял более двух веков. На протяжении практически всего XVI века шла зримая и незримая мировоззренческая революция, в XVII веке новая система ценностей стимулировала промышленную революцию, а XVIII век становится временем окончательного оформления капитализма как целостной цивилизации. Что же касается идеологии общества потребления (с такими ее атрибутами, как успех, богатство, материальное благополучие, погоня за статусами) как мировоззренческой основы западной цивилизации, то окончательно она оформилась во второй половине XX века.

Общество потребления — это мировоззренческая модель, в которой базовые ценности культурно оправданы и опираются на основные человеческие потребности. Как известно, дьявол кроется в деталях — с одной стороны, человеку для обеспечения жизнедеятельности нужны пища, кров, одежда и т. д. С дру-

гой — в рамках идеологии общества потребления все становится гипертрофированным — обладание становится целью и смыслом жизни. Соответственно формируется навязчивое стремление постоянно наращивать качество и количество потребления. Это формирует потребительскую зависимость, которая побуждает человека работать сверх всяких разумных физических пределов и деструктивна по своим последствиям для души. Рост материального благополучия сопровождается атмосферой постоянного страха потерять. Рационализация и инструментализация человеческих отношений лишают эти отношения собственно человеческого содержания и смысла, ведут к деградации человеческой духовности. Человек подчас приносит в жертву материальному благополучию такие ценности, как дружба, семейное счастье, сострадание к ближнему. Наконец, гипертрофированное стремление к успеху любой ценой, к успеху как смыслу жизни считается нормой и благодетелью¹. Между тем это все не что иное, как проявление человеческой гордыни, которая в христианстве считается одним из смертных грехов (наряду с завистью, гневом, отчаянием, сребролюбием).

Как представляется, основной причиной современного мирового финансово-экономического кризиса является сущностное — ценностное и содержательное перерождение духовного ядра христианской культуры. Культурологическая трактовка оснований экономического кризиса позволяет посмотреть на ситуацию с другой стороны. Кризис — это своеобразный ответ культуры на указанные выше вызовы, это ее попытка своими средствами вернуть мир в границы тех базовых ценностей, вне которых человек теряет свои «образ и подобие». Это предложение иного пути, на котором труд вновь станет сферой, формой и средством личностной самореализации, человек вернется к состоянию творца, созидателя по своим способностям и задаткам и потребляющего в меру собственных, а не навязанных ему рекламой, прессой, лидерами мнений и другими источниками потребностей.

Россия в течение всей своей истории развивалась по законам, не совпадающим с большинством европейских экономических, идеологических и иных трендов. В то же время кризис, который в полной мере проявляется в стране, может быть объяснен с намеченных выше позиций. Чаще всего, характеризуя ситуацию в России, аналитики используют такой концепт, как «глубинный системный кризис». В его характеристиках доминирует экономический блок проблем, которые определяют тенденции в основных сферах жизнедеятельности общества и от решения которых зависит статус России в геополитическом пространстве. Эти проблемы в значительной степени определяются тем, что, по мнению специалистов, в технологическом плане экономика нашей страны существенно отстает от цивилизованного мира, который в последние три десятилетия развивался стремительными темпами².

¹ Характеристика американского клерка в личном деле «не амбициозен» (non ambitious) приравнивается к черной метке.

² Малинецкий Г. О перспективах РФ. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/339>

В. А. Черешнев и В. Н. Расторгуев в группу повышенных социальных рисков, определяющих глобальную нестабильность, включают: углеводородную зависимость российской экономики, принуждающую к неэквивалентному обмену природной ренты на ренту интеллектуальную и качественно усугубляющую и стагнирующую экономическую ситуацию; второстепенный статус социальной политики и защиты природного наследия — среды обитания, определяющей качество жизни человека и сбережение народа; разрыв между политической и интеллектуальной группами, который «становится в тысячу раз опаснее на фоне чудовищного разрыва между сверхбогатством и массовым обнищанием», одним из проявлений которого является так называемая «нищета работающих»¹.

Несмотря на некоторое ослабление сырьевой зависимости в течение последних нескольких лет, она все же сохраняется. В условиях глобализации, которая характеризуется свободным потоком идей, людей, капиталов, товаров и информации, России весьма сложно удерживать и наращивать конкурентоспособность. Фактом пока является то, что в упадке находятся обрабатывающая промышленность и значительная часть сельского хозяйства, импортозамещение идет вяло и фрагментарно, по-прежнему в больших объемах закупается промышленное оборудование, электроника, лекарства, потребительские товары, продовольствие.

Падение мировых цен на энергоносители и возросшая конкуренция на рынке углеводородного сырья ставят под угрозу стратегию, основанную на приоритетах российской экономики, центрированных на увеличении добычи нефти и газа и их транспортировке на мировой рынок, а также экспорте высокотехнологической продукции атомной энергетики. Ситуация усложняется также в связи с тем, что приобретение новых технологий на мировом рынке наталкивается на экономические санкции. Все более заметными становятся потери

от продажи сырья, цены на которое на порядок ниже по сравнению с продуктами его высокотехнологической переработки, а также в связи с неизбежным ростом издержек на природоохранные меры, сопутствующие сырьедобывающим производствам².

Нарастающий вал российских экономических проблем, хотим мы того или нет, объективно свидетельствует об ущербности либеральной модели экономического развития. Малоэффективная экономика, разрушенный интеллектуальный потенциал страны, атомизированное общество, пораженная потребительством правящая элита, демографический кризис — все это ведет к утрате Российским государством атрибутов субъектности и суверенитета. В такой ситуации огромные риски несет «нераздельное право государственной власти или международных структур, обладающих особыми полномочиями с учетом норм международного права, определять приоритеты государственной или международной политики. <...> Любая ошибка, заложенная в методологию общенациональной стратегии, может перечеркнуть и обесценить все достижения страны за всю ее многовековую историю и, более того, поставить под вопрос сохранность и шансы на развитие человеческой цивилизации»³.

Сложившаяся и складывающаяся ситуация требуют внедрения новой парадигмы общественного развития, в основе которой — мобилизация ресурсов преображения и саморазвития, активизация созидательных сил нации. Социальный прогресс и технологический прорыв возможны в условиях своеобразной «мобилизационной идеологии», которая будет опираться на ключевые ценности русской культуры: доминанту духовного над материальным, общего — над личным, будущего — над настоящим, справедливости — над законом⁴. Важнейшей предпосылкой успешности модернизации является активизация и востребованность жизненных сил народа, его духовного опыта и ресурсов идентичности.

¹ Черешнев В. А., Расторгуев В. Н. Стратегия долгосрочного развития: вызовы времени, глобальная нестабильность и методология определения приоритетов // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 260.

² Степин В. С. Трансмутации ценностей и интересов на современном этапе развития цивилизации // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Междунар. Лихачевские науч. чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 236.

³ Черешнев В. А., Расторгуев В. Н. Указ. соч. С. 260.

⁴ Малинецкий Г. Доклад о перспективах РФ: инновации — последняя надежда России. URL: <http://www.za-nauku.ru>